

ляющая ноосферы, лингвистическая ойкумена, где миры – фонии, а границы миров определены текстами. И новая общность – англофонность. Или – русофонность.

Русистика будущего – это *геолингвистика*, *георусистика*. Актуальным становится планетарное взаимодействие языков, поэтому глобальному миру соразмерны именно геолингвистика и георусистика. Предмет георусистики – *российский вариант русского языка и территориальные варианты русского языка* (А.Н. Рудяков). Русская языковая политика не может носить исключительно оборонительный характер. Русистика будущего – это *георусистика*: русофония и русский язык во взаимодействии с другими языками.

Литература

1. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Космо-психо-логос. М. : Изд. гр. «Прогресс – Культура», 1995.
2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2006.
3. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.
4. Колесов В.В. Мир происходит от слова. СПб., 1999.
5. Масликов И.С. Юридический словарь. 2-е изд. М. : Изд.-торг. корп. «Дашков и К°», 2008.
6. Паршина О.Н. Российская политическая речь: теория и практика / под ред. О.Б. Сиротининой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во ЛКИ, 2007.
7. Плетнева Е.В. Метафора повседневности в русской и французской языковых картинах мира (гастрономия, костюм, интерьер) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
8. Трубачев О.Н. История славянских терминов родства. М., 1959.

The Russian language in the world and the world in the Russian language: language as the future

There are described the social and cognitive functions of the Russian language – Russian lingual world picture, modern condition and structural dynamics of the Russian language, applied use of the Russian language by the modern society, predicted the future of the Russian language.

Key words: *geolinguistics, cognition, cognitive linguistics, applied models of the language, tendencies of the Russian language development, time management and intellectual practices, language world picture.*

В.И. КАРАСИК
(Волгоград)

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Рассматривается языковая личность – обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций. Обсуждаются структура языковой личности и ее лингвистически релевантные типы.

Ключевые слова: *языковая личность, антропологическая лингвистика, языковое сознание, коммуникативное поведение, лингвокультурный типаж.*

Современная лингвистика представляет собой активно развивающуюся область гуманитарного знания. С учетом логики развития науки о языке и последовательного противопоставления структурной (имманентной) и антропологической лингвистики можно сказать, что языкознание последней четверти XX – начала XXI в. сконцентрировано вокруг проблемы человека в языке.

Структурная лингвистика имеет неоспоримые достижения. Это разработка принципов и моделей описания языка как системы знаков, инвентаризация и описание языковых единиц разных уровней, установление закономерностей их трансформаций во времени и в разных коммуникативных ситуациях. Сосюрровское противопоставление языка и речи позволило языковедам ставить задачи моделирования языка сначала как статической оппозитивной системы, затем – как функциональной динамической системы с градуальными переходами качества наблюдаемых явлений и, наконец, как системы смыслов и способов их выражения в контексте человеческого поведения и культуры. Лингвистика речи не могла возникнуть на пустом месте – она закономерно явилась продолжением и развитием лингвистики языка, но с позиций коммуникативной деятельности противопоставление системы единиц и правил их употребления, с одной стороны, и системы содержательных конструктов различной природы, выделяемых в общении и зафиксированных в сознании, с другой стороны, становится нерелевантным.

Соответственно, потеряло значимость и противопоставление лингвистического и экстралингвистического содержания коммуникативной деятельности. Такое положение дел привело к определенному размыванию границ лингвистики, особенно в тех сферах знания, которые являются стыковыми – психолингвистика, социолингвистика, прагматическая лингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология. Раньше принадлежность того или иного исследования к науке о языке определялась предметом анализа, а поскольку анализировались разные языковые единицы – фонетические, лексические и грамматические, то фактически единицы анализа отождествлялись с предметом изучения. Теперь же ключевым вопросом является определение содержательных конструктов, выделяемых в языковом сознании и коммуникативном поведении. К таким конструктам могут относиться, например, социолингвистические индикаторы возраста, места проживания или образовательного статуса человека в рамках той или иной лингвокультуры, культурные концепты как кванты переживаемого опыта в индивидуальном и коллективном сознании, жанры речи – культурно и ситуативно обусловленные текстотипы, в которых закреплены вербальные и невербальные интеракции участников общения. Несколько упрощая суть дела, можно сказать, что вектором исследования в рамках структурной лингвистики было движение от языковой формы к спектру выражаемых этой формой значений, в то время как вектор антропологической лингвистики состоит в движении от определенной содержательной сущности к системе вербальных и невербальных (точнее – конвербальных) способов выражения этой сущности. Вместе с тем в конкретном исследовании движение от формы к содержанию и наоборот носит последовательный челночный характер. Иначе говоря, структурная лингвистика не исчезла, а видоизменилась в рамках более широкого понимания науки о языке. Если посмотреть на развитие языкознания как отрасли филологии, то можно констатировать сближение между литературоведением и лингвистикой, в частности, применительно к индивидуально-авторским концептам или типам дискурса.

В качестве одной из моделей описания лингвистической реальности была предложена схема, включающая три базовых компонента – личность, концепты, дискурс [4]. В основу этой модели положены следующие тезисы:

1. Человеческое поведение обусловлено ценностями культуры, ситуативными обстоя-

тельствами и личным опытом индивидуума, поэтому коммуникативные поступки и переживаемое знание о мире можно объяснить с учетом этой триады – культура, ситуация, индивидуальное сознание.

2. Характеристики человека, осмысливаемой и переживаемой им действительности и коммуникативных ситуаций бесконечны, но можно выделить типичные обстоятельства и соответствующие им типы концептов – переживаемых фрагментов опыта – и скриптов – фиксируемых единиц коммуникативного поведения, которые можно объективно установить и описать с помощью приемов анализа, разработанных в гуманитарных науках.

3. В рамках той или иной модели описания языкового сознания и коммуникативного поведения можно выделить единицы, специализированно обозначающие и выражающие определенный признак, единицы, в содержании которых этот признак представлен в связанном виде с другими признаками, и единицы, окказионально приобретающие этот признак в особых обстоятельствах.

4. Этнокультурная и социокультурная специфика языкового сознания и коммуникативного поведения предполагает признание универсальных характеристик человека, культуры и общения. Различие между людьми, группами людей и этносами состоит не столько в наличии и отсутствии тех или иных культурно значимых признаков, сколько в их сравнительной яркости и специфической комбинации с другими признаками.

5. Различные характеристики языковой личности, лингвокультурных концептов и дискурса (текста, погруженного в ситуацию) взаимодополнительны: изучая языковую личность, мы выявляем систему свойственных этой личности концептов и типичных для нее разновидностей дискурса; рассматривая лингвокультурные концепты, мы приходим к характеристикам человека в языке и дискурсивным моделям реализации соответствующих концептов; анализируя дискурс, мы определяем концепты и типы личностей, проявляющиеся в этом дискурсе.

Основоположником теории языковой личности в отечественной лингвистике является Ю.Н. Караулов. Ученый понимает под языковой личностью «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действитель-

ности, в) определенной целевой направленностью» [5, с. 3]. В структуре языковой личности автор противопоставляет три ее уровня: а) вербально-семантический (нормальное владение естественным языком), б) когнитивный (система понятий, идей, концептов, складывающаяся в более или менее упорядоченную картину мира, отражающую иерархию ценностей), в) прагматический (цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности) (Там же, с. 5). В ином ключе структура языковой личности может быть представлена в следующем виде: 1) языковая способность как органическая возможность научиться вести речевое общение (сюда входят психические и соматические особенности человека); 2) коммуникативная потребность, т.е. адресатность, направленность на коммуникативные условия, на участников общения, языковой коллектив, носителей культуры; 3) коммуникативная компетенция как выработанное умение осуществлять общение в его различных регистрах для оптимального достижения цели, компетенцией человек овладевает, в то время как способности можно лишь развить; 4) языковое сознание как активное вербальное «отражение во внутреннем мире внешнего мира» [7, с. 24]; 5) речевое поведение как осознанная и неосознанная система поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека.

Языковая способность и коммуникативная потребность выступают как предпосылки для овладения языком и осуществления общения, коммуникативная компетенция – как проявление языкового сознания в выборе средств общения. Реализация этих средств в конкретном речевом действии выражается в тексте, который, отметим, обычно произносится или пишется отдельным индивидом, т.е. личностью, а не народом. По мнению А.М. Шахнаровича, языковая способность – это механизм, обеспечивающий использование «психологических орудий», в то время как «процесс использования этих орудий, культурные правила их выбора и ситуативная организация находятся вне собственно языковой способности. Они принадлежат коммуникативной компетенции, которая вместе с языковой способностью составляет языковую личность» [12, с. 223]. Перечисленные компоненты речевой организации человека неоднородны, наиболее конкретным является акт речевого поведения, наиболее абстрактным – языковое сознание человека, включающее чувства, волю, мышление, память в их неразрывном единстве.

Важнейшим компонентом речевой организации человека является языковое сознание. В.В. Красных противопоставляет два принципиально различных типа ментальных образований: знания и представления. Знания трактуются как относительно стабильные, объективные и коллективные информационные единицы; представления – как относительно лабильные, субъективные и индивидуальные сущности, включающие собственно представления, образы и понятия, а также связанные с ними коннотации и оценки. В индивидуальном и групповом языковом сознании знания и представления образуют целостное единство, при этом выделяются три набора знаний и представлений: 1) индивидуальное когнитивное пространство, 2) коллективное когнитивное пространство, 3) когнитивная база [6, с. 41–45]. Первый набор представляет собой уникальную совокупность всех знаний и представлений данного человека как личности; второй набор – это совокупность знаний и представлений, определяющих принадлежность человека к той или иной социальной группе, причем, поскольку любой индивид входит в различные малые и большие группы, коллективное когнитивное пространство в его сознании является «лоскутным» образованием, включающим информационные фрагменты различных систем; третий набор содержит необходимые знания и представления, объединяющие всех носителей этих знаний и представлений в «национально-лингвокультурное сообщество». В современных лингвистических исследованиях первый набор интересует тех, кто изучает особенности языка и стиля того или иного автора, второй набор привлекает социолингвистов, а третий набор терминологически обозначается как лингвокультура и анализируется представителями когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Определив возможные подходы к структурированию языковых (или коммуникативных) личностей, обратимся к типологии этих личностей. Личность является ключевым понятием в разных областях знания, поэтому можно выделить лингвистически релевантные подходы к личности с позиций психологии, социологии, культурологии и собственно языкознания.

С позиций психологии выделяются разные психотипы по различным признакам – направленности внутрь или вовне, конфликтному либо «консенсусному» поведению, демонстративности либо стремлению не выделяться из сообщества, склонности к самоанализу

либо нерефлектирующему поведению, наличию определенной патологии (или акцентуации) либо отсутствию таковых и т.д. Все эти личности проявляют себя определенным образом в коммуникативных ситуациях, и систематизация вербальных и невербальных способов соответствующего поведения весьма важна для понимания сущности языкового сознания и коммуникативной практики.

С позиций социологии выделяются типы языковых личностей по объективным статусным признакам – возраст, пол, уровень образования, стиль жизни и т.д. Заслуживает внимания социологическая типология личностей, которую строит О. Клапп, выделяя, например, социальные типы героев, злодеев, клоунов, жертв и др. [14, с. 43–50]. Известна функциональная типология персонажей волшебной сказки в работе В.Я. Проппа «Морфология сказки» – герой, вредитель, посредник, даритель и др. [10]. Языковая личность в социолингвистическом аспекте моделируется с позиций либо заданного социального типа (студент, военнослужащий, политик, пенсионер), либо определенных знаков, рассматриваемых как индикаторы статуса или роли.

С позиций культурологии может быть предложена типология личностей, выделяемых в качестве представителей определенной этносоциальной группы и узнаваемых по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации. Например, это русский интеллигент, английский аристократ, немецкий офицер. Такой подход к описанию типизируемых личностей (лингвокультурных типажей) получил развитие в исследованиях О.А. Дмитриевой [3], Е.А. Ярмаховой [13], В.В. Дервянской [2], О.В. Лутовиновой [8], И.А. Мурзиновой [9], Е.В. Гуляевой [1]. В ином плане можно построить типологию личностей в рамках культурологии, если рассмотреть определенный тип культуры сквозь призму личности, порождающей эту культуру и порождаемой соответствующей культурой.

Положение о том, что культура реализуется в определенных образцах и значимых смысловых последовательностях – текстах, вошло в аксиматику культурологии. Из этого положения вытекает необходимость весьма обширной исследовательской программы – поиск соответствий между типами культуры и типами текстов. Одна из таких корреляций предложена в работе американского исследователя Дж. Лемке [15], который устанавливает три принципиально различных типа текстов по их культурогенной значимости. Первый тип тек-

стов (и других семиотических артефактов) образуют уникальные сакральные тексты, назначение которых – неизменная передача одного и того же текста от поколения к поколению. Второй тип текстов возникает тогда, когда люди переходят к осознанию стандарта, жанра, текстового типа. Это связано прежде всего с развитием книгопечатания. Смысл конкретного текста сохраняет свою значимость, но все большую значимость приобретает соответствие этого текста стандартному типу. В условиях глобализации и возникновения единой компьютерной сети появляется текст третьего типа, отличительная особенность которого – наличие гипертекста, возможность моментального переключения в любой другой текст, жанр, способ передачи и хранения информации. На первый план здесь выходит гибридизация типов дискурса и отдельных жанров, тотальное размывание границ в едином текстовом пространстве. Текст третьего типа поддержан новой культурой в целом, возможностью переключения предметной деятельности, места работы и жительства, даже собственной идентичности. Эти тексты в своей основе отражают важнейшие признаки эпохи постмодернизма. Главная характеристика этих текстов – возможность постоянных переходов к другим семиотическим образованиям. Тексты третьего типа – это в массе своей короткие тексты (их прототип – газетное или журнальное сообщение, которое можно прочитать за несколько минут), предназначенные для однократного использования и все чаще включающие визуальный компонент (картинку). Соответственно, выделяются три типа текстовой компетенции: 1) умение точно запомнить и многократно воспроизвести заданный текст, 2) умение осознать жанровый канон и воспроизводить тексты в рамках этого канона и 3) умение соединять любые тексты (и текстообразующие институты). В последнем случае высоко ценится стратегия соединения текстов; именно здесь, по мнению автора, следует ожидать новых способов осуществления социального контроля. Соответственно, можно выделить три типа языковых личностей, противопоставляемых по порождаемым ими текстам, – жрец, ремесленник, фокусник.

В обществе, которое в значительной мере зависело от неподконтрольных человеку природных сил, важнейшую роль в порождении текстов, определявших характер культуры, играли жрецы, маги. Развитие производства закономерно привело к тому, что люди, занятые в производстве (организаторы производства), осознали свою значимость в обществе и

на основании экономической реальности стали ведущей социальной силой. На первое место вышел социальный тип, условно обозначаемый как ремесленник (мастер, *homo faber*). Дальнейшее развитие производства привело к созданию высоких технологий, благодаря которым собственно в производстве стало занято гораздо меньше людей, чем раньше, а освободившиеся человеческие ресурсы перешли в сферы услуги и досуга. Эта сфера деятельности выдвинула на авансцену новый тип активного деятеля, который условно можно обозначить как фокусник. Разумеется, названные социальные типы схематичны и условны, но представляет интерес то, какие тексты порождаются этими типами.

Каковы характеристики иератических (жреческих) текстов?

Это тексты бытийные (не бытовые) по своему основному предназначению, касающиеся важнейших смысложизненных вопросов, насыщенные символами, отшлифованные риторически для того, чтобы в максимальной степени оказывать воздействие на слушателя (прототипным текстом здесь является проповедь), сравнительно легко запоминающиеся (их передавали от поколения к поколению устно), не допускающие изменений ни в содержании, ни в форме (когда их стали записывать, не случайно возникла норма «Ошибка переписчика равна умышленному греху»). В этих текстах в концентрированном виде были отражены нормы поведения в обществе. Поскольку функция передачи знания была сопряжена с функцией служения Богу, то роль учителя в этих текстах является сакральной. Символика и метафорика таких текстов не допускают двусмысленных толкований: *Человек, сбившийся с пути разума, водворится в собрании мертвецов* (Притчи, 21:16).

Иератические тексты определяют координаты миропорядка, четко разъясняя, что есть добро и зло применительно к своему племени. Они дают начало текстам философским, юридическим, научным и поэтическим. Эти тексты закреплены традицией и составляют стержень культуры. Именно такие тексты становятся в первую очередь прецедентными для той или иной лингвокультуры (и в дальнейшей для человечества в целом), постепенно переходя в концепты соответствующих текстов [11].

С развитием книгопечатания обыденная жизнь человека проникает в текстовое пространство. Различного рода повествования о примечательных и обычных событиях из жизни людей, включающие вымысел, становятся достоянием читающей публики. Чтение пе-

рестает быть сакральным занятием. Образцом мирской литературы является газета, повествующая о заботах текущего дня и мгновенно теряющая свою информационную ценность завтра. Тексты этого типа ординарны и в отличие от иератических не анонимны. Они создаются конкретными авторами и не претендуют на божественное происхождение. Для их составления, кстати, не требуется вдохновения, достаточно умения. Огромный текстовый массив составляют производственная переписка (делопроизводство, инструкции, отчеты) и частная переписка. Сюда же относится множество учебных текстов, например, сочинения на заданную тему. По сравнению с текстами первого типа тексты второго типа характеризуются гигантской жанровой вариативностью, кратковременностью существования и повсеместностью распространения. Иератические тексты составляют ничтожно малую часть в огромном текстовом массиве, состоящем в основном из ординарных ремесленных текстов, но по своей культурогенной значимости, повторяемости и прецедентности четко выделяются как знаковые константы.

Следует подчеркнуть неоднородность текстов второго типа (дать их классификацию – значит попытаться разбить на классы все написанное). Некоторые из этих текстов по определенным параметрам приближаются к текстам иератическим (образцы художественной литературы, различные кодексы, классические научные труды), некоторые с трудом соответствуют литературному стандарту (не случайно в обиход вошел термин «паралитература»).

Тексты третьего типа принципиально отличаются от предыдущих своей игровой сущностью. Следует заметить, что создатель таких текстов – фокусник, шут, иллюзионист – не новое образование в списке коммуникативных типажей. Эти личности соседствовали со жрецами и мастерами, дополняя их. Но в новейшую эпоху дистрактивная функция (функция развлечения) приобрела статус одной из важнейших в связи с увеличением досуга у граждан современного постиндустриального общества. То, что раньше подавалось в серьезной упаковке, теперь все чаще принимает характер игры.

Однако не только игровой характер определяет сущность этих текстов. Их интертекстуальные связи становятся самодовлеющими. Прямое и модифицированное цитирование становится важнейшей характеристикой текстов эпохи постмодерна. При этом сознательно нарушаются стилевые нормы, смешиваются регистры, возникает коллаж (наклеива-

ние на холст различных предметов) как способ художественного отражения действительности. Пародийное имитирование как специфический вид критики переходит в пастиш – литературную имитацию, экстремальным вариантом которой является текст, целиком состоящий из фрагментов произведений одного или нескольких авторов. Тексты третьего типа, на первый взгляд, асистемны, их структура принципиально произвольна, они тяготеют к жанру «Алфавитный словарь», размывая специфику этого жанра. На самом деле попытка автора спрятаться за алфавитной последовательностью текстовых фрагментов заставляет читателя искать смысл в якобы случайном ряду явлений. Основным пространством функционирования текстов третьего типа является в настоящее время массово-информационный дискурс, поскольку массовая информация общедоступна, в максимальной степени открыта для манипулятивного использования, выполняет рекламные функции (параллельно с информированием).

Если признать, что обозначенные три типа текстов в своих жанровых разновидностях могут развиваться параллельно, то показательным может быть сравнение одного из жанров. Например, универсальные высказывания могут выражаться как непреложные истины или нормы поведения в виде пословиц и афоризмов (иератическая разновидность), как тривиальные общеизвестные вещи или частные полезные советы (ремесленническая разновидность), как парадоксальные умозаключения либо ернические пустоговорки (фокусническая разновидность). Проиллюстрируем эти текстовые типы:

1. *Худших всегда большинство* (Биант); *Что ты спрятал, то пропало, что ты отдал, то твое* (Ш. Руставели).

2. *Нельзя касаться языком металлических предметов в сильный мороз; Неприятный запах скунса нейтрализуется томатным соком;*

3. *It's hard to make a comeback when you haven't been anywhere. – Трудно вернуться назад, если никуда не уходил; Лучшие забитый шуруп, чем завинченный гвоздь.*

Сентенции первого типа составляют золотой фонд знаний человечества, однако часто используются старшими и вышестоящими по отношению к младшим и подчиненным с целью закрепления статусного неравенства. Высказывания второго типа очень важны для обыденной жизни, но приемлемы только в определенных конкретных ситуациях. Высказывания третьего типа представляют собой критическую реакцию как на морально-

этические, так и на утилитарные поучения, их назначение – восстановление коммуникативного равенства между участниками общения путем высмеивания поучения как такового. При этом по форме эти высказывания соответствуют поучениям (*Если Вас укусила злая собака, пожалуйста доброй; Не стоит пробовать монету на фальшивый зуб; Испортить можно все*). Фокусник зависит от жреца и ремесленника, поскольку порождаемые им тексты принципиально вторичны. Увеличение удельного веса текстов третьего типа в культуре свидетельствует о возникновении новой ментальности, требующей изучения.

Жрец, ремесленник и фокусник как условные культурогенные личности представляют собой воплощение определенных текстовых функций и в этом качестве панхроничны, но в различные периоды человеческой истории на первый план выходит одна из названных личностей, в концентрированном виде выражающая приоритеты общества.

Подведем основные итоги.

Классическая диада лингвистики – язык и речь – на современном, антропоцентрическом этапе развития науки о языке раскрывается как языковое сознание и коммуникативное поведение. В центре такого понимания предмета языкознания находится языковая личность – обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций. Лингвистическое изучение языковой личности базируется на тех психологических и социологических признаках, которые находят выражение в языковой семантике и прагматике и позволяют построить типологию языковых личностей. Такие признаки являются лингвистически релевантными индексами языковых личностей. Совокупность соответствующих индексов образует определенный тип личности, исторически изменчивый и социопсихологически вариативный. На каждом этапе развития в этнокультурном сообществе выделяются типы личностей, наиболее ярко представляющие различную ценностную ориентацию сообщества в целом, это модельные личности. В конкретных условиях общения языковая личность проявляется в различных ипостасях, которые с позиций социолингвистики и лингвокультурологии можно рассматривать в ценностном, понятийном и поведенческом аспектах.

Литература

1. Гуляева Е.В. Лингвокультурный типаж «американский адвокат»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009.

2. Деревянская В.В. Лингвокультурный типаж «британский колониальный служащий» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.

3. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажы России и Франции XIX века : моногр. Волгоград : Перемена, 2007.

4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002.

5. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М. : Наука, 1989.

6. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) : моногр. М. : Диалог МГУ, 1998.

7. Лурия А.Р. Язык и сознание. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1998.

8. Лутовинова О.В. Лингвокультурный типаж «хакер» // Политическая лингвистика / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2006. Вып. 20. С. 215–229.

9. Мурзинова И.А. Лингвокультурный типаж «британская королева» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009.

10. Пропп В.Я. Морфология сказки. Л. : Academia, 1928.

11. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М. : Academia, 2000.

12. Шахнарович А.М. Языковая личность и языковая способность // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность : сб. ст. / Ин-т рус. яз. РАН. М., 1995. С. 213–223.

13. Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чудак» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.

14. Klapp O.E. Symbolic Leaders. Public Dramas and Public Men. Chicago : Aldine, 1964.

15. Lemke J.L. Texts and Discourses in the Technologies of Social Organization // Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity. London, 2003.

Linguistic personality as the subject of Anthropological Linguistics study

The article deals with a linguistic personality understood as a generalized image of a person representing cultural values, cognitive and communicative dispositions and behavioral reactions. A structure of a linguistic personality and its tentative types are discussed.

Key words: *linguistic personality, Anthropological Linguistics, linguistic consciousness, communicative behaviour, linguistic and cultural personality type.*

В.И. ШАХОВСКИЙ
(Волгоград)

ДИСКУРСИВНОСТЬ ЭМОЦИЙ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Обосновывается тезис о дискурсивности эмоций, связанной с коммуникативными/категориальными эмоциональными ситуациями человеческого общения. Эффективность эмоционального общения зависит от адекватности эмоциональных образов у речевых партнеров и от их искренности/неискренности.

Ключевые слова: *дискурсивность, образ, коммуникативная/категориальная эмоциональная ситуация, этнический фактор, рационализация эмоций, коммуникативная игра как компонент дискурсивности эмоций.*

Долгое время все лингвистические парадигмы вращались вокруг центральной единицы языка – слова. Однако с конца XX в. произошел переход на более абстрактный предмет исследования – образ, в том числе и эмоциональный. Лингвистика осознала, что люди общаются не словами, не словосочетаниями, не текстами, а образами-картинками. Когда люди говорят друг с другом, они транслируют свое миропонимание в образах и картинках и индуцируют соответствующие образы у своего коммуникативного партнера. Естественно, что транслируемые в ситуации общения когнитивные картины эмоционально окрашены.

У человека как у социального существа все эмоции изначально являются коммуникативными, т. к. они транслируются на других людей, а при их отсутствии – на самого субъекта. Успешная передача картинок одного коммуниканта другому свидетельствует об их одинаковой коммуникативной компетенции, а динамическая эмотивная эквивалентность этих картинок – об одинаковой эмотивной компетенции партнеров. На такие рассуждения наводит эмоциональная коммуникация людей, которая не укладывается в «прокрустово ложе» семиотической системы языка. В реальной коммуникации постоянно возникают эмоциональные ситуации, которые характеризуются типовым эмоциональным поведением говорящих и использованием эмотивного кода языка, поэтому перед коммуникативистикой и лингвистикой эмоций стоит актуальная задача изучения дискурсивных